

Общая газ. - 1995.
29 июня. - с. 10.

По направлению к Бочкотаре

Как читать Василия Аксенова

Владимир НОВИКОВ

ИЛ-БЫЛ в американском городе Вашингтоне русский писатель Василий Аксенов. Захотелось ему сотворить нетленный шедевр, который вместе с тем вызвал бы большой коммерческий успех. Иначе говоря, написать нечто среднее между «Войной и миром» и «Санта-Барбарой». Так появилось пространное повествование о семье Градовых — «Московская сага», нечто действительно среднее, но решительно не годящееся ни в эпосы, ни даже в мыльные оперы. Политико-исторический пирог с клубничной начинкой получился настолько невкусный, что даже большого урожая отрицательных рецензий не смог съесть.

Неудача не сломила писателя, и вскоре он угостил «Желтком яйца» — романом, на страницах которого назойливо суетятся американские спецагенты и советские полковники. Просто, даже примитивно — и тем не менее абсолютно непонятно. Читая «Желток» в журнальной публикации, остался в полном недоумении и только, когда вышло книжное издание, на последней странице, в аннотации, прочел: «смешная, остроумная пародия на западный политический детектив». Вот оно в чем дело! Так почему же раньше не предупредили? Была бы аннотация в начале книги — мы бы сразу начали смеяться! Чуть что повеселее оказался роман «Бумажный пейзаж», хотя его изрядно утяжеляют стандартные карикатуры на Брежнева и Суслова да подзабытые либеральные «приколы» семидесятых годов. А вот писавшийся параллельно с «Пейзажем» роман «Скажи изюм» — подлинный фейерверк ненатужного смехотворчества. Сделав своих коллег-писателей шутки ради фотографами, автор перевел литературный быт в загадочное полуфантастическое пространство, причем гиперболические фигуры персонажей оказались интересны сами по себе, независимо от дешифровки по принципу «ху из кто». Прав Евгений Попов, говоря, что история с альманахом «Метрополь» послужила лишь поводом для аксеноносой смелой фантазии. Скажем, давно и заслуженно забыт личиновник Ф.Ф. Кузнецов, а гротескный Фотий Феклович Клемзевов, изготавленный писателем из столь скучного человеческого материала, колоритно смотрится и сегодня.

«Вперед, вперед, моя история!» Вот уже наш американец меняет прописку и становится мо-

сквичом. И тут он пишет настоящее эпическое произведение — «Остров Крым», сочетающее черты серьезной антиутопии с пародированием антиутопии как жанра, эротизм с философичностью, публицистичность с занимательностью. Дело даже не в том, что аксеноносая выдумка оказалась отчасти политически пророческой, а в том, что созданный писателем пестрый и сложный мир приобрел самодостаточный характер. Затем последовал роман «Ожог» — лирическая исповедь русского интеллигента, местами переходящая в свободный стих. «В «Ожоге» надежа больше не осталась», — считают Александр Генис и Петер Вайль. Как сказать! Думаю, что процесс «переоценки ценностей», составляющий нерв романа, бесконечен и потому уже небезнадежен. Многократно осмеянная «рефлексия» всегда открывает новую духовную перспективу.

Примерно тогда же написаны «Поиски жанра» — попытка соединить сочинительство с жизнестворчеством, эстетические ценности с нравственными. «Жанром» здесь назван новый, неведомый вид искусства, противостоящий стихии распада. Альтер этого автора Павел Дуров вместе со своими коллегами всех национальностей достигает райской Долины, неподвластной никаким катаклизмам, пронизанной «воздухом любви». И читателей не забывает взять с собою, поскольку атмосфера создана доверительная, интимно-свойская. На этом пути Аксенова настигает настоящий читательский успех. Все грамотное население страны завороженно повторяет слова «затворенная бочкотара» — это официально-деловое выражение писатель возвысил до волшебного лирического символа, суящего каждому из нас причастность к сокровенным тайнам бытия. А что творится потом! Автор приходит на приморский пляж и видит, что побережье сплошь усеяно оранжевыми обложками журнала «Юность»: все читают поэтический «Звездный билет». И это не во сне, а наяву...

Стоп! Пора раскрыть карты, признаться в немудреной мистификации: творческая биография Василия Аксенова изложена выше в обратном порядке — от девяностых годов к шестидесятым. Поводом для такой акции послужил выход пятитомного собрания сочинений писателя в библиотеке журнала «Юность» («Московскую сагу» обещают допечатать в дополнительных томах). На синих переплетах номеров нет, что дало мне возможность расставить томики у себя дома по собственному усмотрению: 5, 4, 3, 2, 1 — и картина в итоге получилась не пессимистическая, а очень даже жизнеутверждающая. И вообще: кто

сказал, что читать всю совокупность произведений писателя непременно надо в хронологической последовательности? В «обратной перспективе» стоит посмотреть сегодня на Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко, Окуджаву... Тем, кто сегодня впервые открывает Искандера и Битова, я советовал бы от их нынешних вещей двигаться в направлении Чегема и Пушкинского дома — так и адекватнее получится, и справедливее. А что, если и Солженицына постигать наоборот — от «Красного колеса» к «Одному дню Ивана Денисовича»? В конце концов, чтение тоже можно сделать творческим процессом.

Степень современности той или иной вещи не всегда определяется датой ее написания. Возьмем собранные во втором томе аксеноносые рассказы шестидесятых годов, с их мерцающими психологическими подтекстами, балансирующими на границе реальности и грез: «Товарищ Красивый Фуржкин», «Победа», «Дикой»... (Их републикация особенно важна, поскольку ранние сборники писателя после того, как он был лишен советского гражданства, подлежали изъятию из библиотек и варварскому уничтожению.) Мне просто интересно, что сегодня испытывают, перечитывая или читая эти вещи, нынешние сочинители полуфантастической прозы Ю. Буйда, В. Пелевин, А. Слаповский. Умирают ли от зависти? Если нет, то напрасно: «Прозаик — завистливое животное», — сказано у Аксенова о настоящих писателях. Если же говорить всерьез, то «уроки Аксенова» — это опыт создания затягивающей человечной, интимной атмосферы. «Жаль, что вас не было с нами», — говорил он, и мы верили. И сегодня этому рассказу, не сомневаюсь, поверят те, кто прочтет его впервые.

Творчество — всегда драма. Критерии «прогресса» и «деградации» слишком грубы и прямолинейны, чтобы обмерять ими сложную траекторию движения таланта во времени. Случай Аксенова — это путь от интенсивного письма к экспрессивному. Политические параметры здесь не так важны, как кажется даже самому писателю. В предисловии к первому тому он называет роман «Коллеги» «вполне конформистской вещью», а «Звездный билет» — «не вполне». Да нет же, Василий Павлович! Вполне конформистская вещь — это как раз «Московская сага», поскольку она отливалась в заранее готовую, по расчету выбранную форму. А там, где творческий результат не предсказуем, там царство подлинной свободы. Будем же ждать следующего слова Василия Аксенова, готовясь, как сказано в finale «Поисков жанра», «к встрече с новыми чудесами».